

В. Лисичко

Одинокий отец
с грудным ребёнком на
руках снимет жильё.
Чистоту и порядок
гарантирую.

про
Сгущён-
кина

редисо-
вый
бизнес

пле-
сень
-
огнём!

тум-
бочка
и
дитя

кексов
?

соло на
гитаре

Валерия Лисичко
Одинокий отец с грудным
ребенком на руках
снимет жилье. Чистоту
и порядок гарантирую

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5717312

*Одинокий отец с грудным ребёнком на руках снимет жильё. Чистоту и порядок гарантирую: Москва; 2013
ISBN 978-5-9904380-1-9*

Аннотация

Эта история о...

- Ребёнок живёт в тумбочке?
- В чём секрет редисового бизнеса?
- Почему суд на стороне матери?
- Крабья охота: правда и вымысел.
- Кто живёт в призраках многоэтажек?
- Что у женщины в голове?

Ответы только в этой книге!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Валерия Лисичко
Одинокий отец с грудным
ребёнком на руках
снимет жильё. Чистоту
и порядок гарантирую

Вот он – герой нашего времени. Прошу любить и жаловать: Вольдемар Сгущёнкин на пороге скорбного жилища... Но всё по порядку. А начнём мы с крушения многолетнего союза.

Глава 1

Развод подкрался незаметно

Вольдемар Сгущёнкин перебирал пальцами по столу.

– По крайней мере, – думал он, – у меня не пятеро детей, как у Сан Саныча. Вот хохма была бы, уйди от него жена.

Вольдемар захихикал, вообразив такую картину. Правда, его хихиканье сдулось на втором «хи». Какая ему разница до благополучия других семей, когда его собственная раскололась на два лагеря: он и две выглядывающие из-за баррикад тётки, одну из которых он, кажется, всё ещё любил. Привычка – штука тонкая, особенно если настаивалась 15 лет.

Теперь его вторая половина разъезжала на его же автомобиле со своей любимой Олюшкой, а он, как верный баран, сидел дома с ребёнком. Ему, наивному, казалось, что супруга нагуляется, перебесится, и шлюпка их семейного счастья

наконец-то поймают попутный ветер. Да и жена в последнее время стала ласковее.

«Развод» – это громогласное слово снарядом выстрелило в сегодняшнее утро. И Вольдемар ещё не оправился от «контузии».

Красным знаменем на поле военных действий торчал Толя – полугодовалый сын четы Сгущёнкиных. Им и его благополучием яростнее всего размахивала Нора – пока ещё жена Сгущёнкина. И главным аргументом в пользу благополучия ребёнка служило раздельное проживание.

– Нужно разъезжаться, – настаивала Нора. – Квартиру я продам – уже нашла риэлтора. Мы с Олей дом построим... Свежий воздух, природа, благодать...

– А я? – робко спросил Сгущёнкин.

– А что ты?! – возмутилась Нора и ударила ладонью по столу. – Ты же мужчина. А мужчина, уходя из семьи, оставляет всё этой самой семье.

В её голосе чувствовался дух патриотизма, а за плечами, кажется, пузырил под напором ветра флаг революции.

– Но я не уйду из семьи, – неуверенно возразил Вольдемар.

– Понятно, убеждать тебя бесполезно! Слов ты не понимаешь. И на кого я потратила лучшие годы своей жизни?!

Рассуждая о загубленной молодости и о никчёмности мужчин, Нора удалилась в неизвестном направлении. От воспоминаний и размышлений Вольдемара оторвал телефонный звонок.

– Алло, – Сгущёнкин снял трубку.

– Вольдемар, – услышал он серьёзный голос супруги. – Я нашла хороший вариант жилья.

Хороший вариант вначале представлял из себя уютную квартиру. Поразмыслив, супруга, решила, что квартира –

это много (действительно, зачем одинокому человеку столько пространства?) – хватит и комнаты.

– Хотя, к чему тебе целая комната? – продолжала рассуждать Нора. – Хватит и угла в комнате – так даже веселее – всё не один. Возьмёшь себе кровать, или даже матрац и тумбу, ту, которую нам ещё твоя мама дарила, а деньги в дом вложим. Всё равно ведь дом твоему, ни чьему-то там, сыну достанется. Твоей кровинушке.

Жена продолжала в красках расписывать все плюсы найденного ею варианта: прекрасную атмосферу его будущего дома, опрятность, ремонт, милых соседей. И чем старательнее она распиналась, тем живописнее представлялось Вольдемару ветхое жильё на краю мира (два перекладных автобуса от далёкой железнодорожной станции по направлению к городу Можайск). Рама, благополучно вывалившаяся из окна, дверь, идущая вдоль косяка приятной, радующей глаз, волной. Пол, конечно же, деревянный, и если не прогнил, то по центру комнаты зияет прожжённая костром дыра. Соседи – безусловно, «приятные» алкоголики с тридцатилетним стажем, не прочь умыкнуть что-нибудь, что можно продать...

И вот в углу этого скромного, но, по словам жены, уютного жилища вырастет кровать, под которой скромно примостится чемодан, а в изголовье встанет подаренная мамой тумбочка. В тумбочке – за неимением другого места поселится сын. Вначале пространство внутри тумбы покажется сыну, завёр-

нутому в одеяло и пелёночку, огромным. Пройдёт время – и вот сынок уже вбежит в свою тумбочку, а в один прекрасный момент просто не сможет выйти из неё, и останется там – утром откроет дверцу проветрить жильё, вечером с шумом захлопнет. А потом приведёт в тумбочку жену. И заживём!

– Ну, ничего, – подсказал внутренний голос. – Через пять лет обещают апокалипсис. На этот раз точно не обманут. Так что ещё немного потерпи и. Волна нахлынула на представляемое жилище.

Казалось бы, конец... но через отверстие от похищенного течением окна, лихо оседлав тумбочку с сыном выплывает Вольдемар Сгущёнкин, загребая деревянной ножкой от кровати. И гробет он к светлomu будущему.

– Я предпочту остаться в нашей квартире, – прервал Вольдемар сказочный рассказ супруги.

– Это невозможно, – безапелляционно взвизгнула она. – Девяносто процентов жилья принадлежит Толечке, а Толечка – это мамочка, – сын и мать единое целое. А мать – это я. Я о тебе ещё забочусь, варианты ищу, а ты – неблагодарное животное!..

– Норочка, квартиру мы взяли, продав мой участок и комнату в коммуналке, тоже мою.

– Бессердечный человек! Нет, вы посмотрите – думает только о себе! А ребёнок? О нём ты подумал? Всё ради Толечки, ради его благополучия.

И Нора продолжила увещевать о плюсах найденного ею жилища.

Она убеждала и убеждала, убеждала и убеждала и, в конце концов, убедила.

Смирненное «да» сорвалось с уст Сгущёнкина, и удовлетворённая Нора повесила трубку.

– Как она умудрилась меня уговорить? – ужаснулся Сгущёнкин содеянному. – Я собственноручно подписал себе приговор.

Глава 2

Развод собственной персоной

К судебному процессу Вольдемар Сгущёнкин готовился заранее. Он планировал произвести на судью самое благоприятное впечатление, и перетянуть чашу весов в свою пользу. Он, наивный, всё ещё лелеял тайную надежду сохранить треснувший по всем швам союз.

Сгущёнкин достал старый шерстяной костюм, подшил его и отгладил. За неимением другого, он собирался в эту тёплую весеннюю погоду щеголять в шерстяном. Также Вольдемар нагутаилинил обувь и сходил в парикмахерскую. Утром он начисто выбрил лицо и sprыснулся одеколоном «Звезда», не первый год настаивающимся в холодильнике.

В костюме, стриженный, выбритый, с застенчивым румянцем на щеках, Вольдемар предстал перед судьёй – суровой женщиной с ртутно бегающими глазками.

Нора вошла в зал заседания после супруга, вымотанная, заплаканная, с поплывшим от слёз скромным макияжем. Судья кинула придирчивый взгляд на Сгущёнкина, затем на мадам Сгущёнкину.

По выражению её лица Вольдемар понял, что выводы судья сделала не в его пользу.

Действительно, Сгущёнкины смотрелись на удивление контрастно.

То ли от нервов, то ли от излишне согревающего шерстяного костюма, Сгущёнкин покрылся испариной. Объявлением о слушании бракоразводного процесса судья открыла заседание.

Слово предоставили истице, то бишь гражданке Сгущёнкиной. И она, давясь грудными вздохами и придыханиями, а также не забывая промокать глаза бледно розовым платочком и периодически всхлипывать, поведала суду всю историю их со Сгущёнкиным брака.

Истина, как ни странно, произвела шокирующий эффект не только на судью. Вольдемар с трудом узнавал в расска-

зе свой священный союз. Из рассказа Норы выходило, что жизнь четы Сгущёнкиных – это нищета, приправляемая запоями, и, как следствием, пьяными истериками Вольдемара (здесь благоверная не забыла упомянуть как это вредно, даже опасно для ребёнка). А как бонус: вредоносные паразиты-родственники. За 15 лет с чудовищем-Вольдемаром Нора постарела и разочаровалась в жизни (за 15 лет без него этого бы не произошло). И теперь она, жертва мужа-тирана, собрала волю в кулак и умоляет суд развести их.

– Ради ребёнка, ради его благополучия, я как мать... – аргументировала Нора. – Бремя брака с этим человеком непосильно тяжело для меня. Я старалась, я пыталась быть сильной... Прошу суд развести нас сегодня же, обратив внимание на особые обстоятельства, без месяца ожидания. Иначе я боюсь, что через месяц сил, подаренных мне Небом для этого спасительного рывка, не хватит... Через месяц во мне уж ничего не останется, – увещевала суд Нора.

В конце, после особенно трагической паузы, Нора не за-

была подать на алименты и попросить суд разрешения на операции с жильем, мотивируя прошение интересами ребёнка и тем, что она – мать.

Сгущёнкин, конечно, пытался вставить свои разъяснения в безукоризненное повествование жены, но суд слово ему не давал и не гнушался об этом напомнить. К концу Нориного рассказа уши Сгущёнкина налились краской, а со лба сошла первая волна пота.

Судья, явно проникшаяся чёрной долей истицы, наконец обратилась к гарцующему от негодования Сгущёнкину.

– Правда ли то, что говорит Ваша супруга?

Сгущёнкин оказался в затруднительном положении. Нора так ловко вплетала единичные случаи в общее полотно повествования, что создавалось впечатление, будто их жизнь полна такими печальными примерами.

– Не совсем... – начал было Сгущёнкин.

– Как не совсем?! – взвизгнула Нора. – Скажешь, не было тех двух лет, когда ты не работал, а я кормила семью? В чёрном теле меня держал! А пьяного Нового года и последовавшего за ним запоя?

– Не было оглашённых в суде случаев? – сурово повторила вопрос жены судья.

– У меня свидетели есть, – пискнула Нора.

– Были, но...

Вольдемар хотел пояснить, что в то непростое время, когда его сократили, он перебивался халтурами, а жена рабо-

тала всего две недели.

А запоем жена назвала какие-то три дня беспробудного пьянства.

– Когда я болела, не ты ли пытался вытолкнуть меня из дома на работу?

Судья сурово повторяла сформулированные Норой вопросы и получив «да», не разрешая прояснить ситуацию, кидала в Сгущёнкина следующий вопрос. Сгущёнкин усиленно потел от несправедливости.

Разбирательство дошло до финальной точки:

– С кем остаётся ребёнок?

Не дав слова мужу, Нора выступила с феерической речью, и Сгущёнкин понял: дальнейшее сражение не имеет смысла.

Решение суда гласило (опуская термины и изощрения): супруги в разводе. Ребёнок остаётся с матерью. Общение с отцом не ограничено, время определяется по обоюдному согласию. Назначить отцу алименты в размере 25 % от заработка. Размен жилья в пользу интересов ребёнка разрешён.

Девятый вал пота прошиб Сгущёнкина. Он вздыбился, как петух на петушиных боях, и, по-рыбы хватая воздух (от возмущения слова не шли в голову), бросил на пол собственный пиджак (должен же был он хоть что-то сделать).

– Героиня, – по достоинству оценив беснования Вольдемара Сгущёнкина, сказала судья Норе. Судья даже спустилась с кафедры и обняв Нору напутствовала:

– Крепитесь.

Нора обладала удивительным свойством располагать к себе женщин. Вольдемар же напротив – мужчин. На беду Сгущёнкина, судья оказалась женщиной.

...Сгущёнкин в мятом пиджаке вышел из здания суда. Вышел он медленно, так как спешить собственно было некуда – Нора получила заветное разрешение на размен жилья. Вольдемар чувствовал себя оплётанным. Такое фиаско!

Со свистом пролетела по дороге и остановилась перед Сгущёнкиным его собственная машина. За рулём с видом бывалого гонщика восседала Оля – новая вторая половинка его бывшей второй половинки.

Пассажирская дверь по соседству с водительской отворилась, и на асфальт шмякнулся чемодан. Его колёсики недовольно крикнули. За ним из машины выгрузилось «приданое» Сгущёнкина – подаренная мамой тумбочка. Нора поставила на асфальт одну ногу и, слегка нависнув, сказала:

– У нас с Олей дела. Придётся тебе посидеть с ребёнком.

На чемодан опустился голубой конверт с сынишкой. В этом самом конверте всего полгода назад они забирали Толю из роддома.

– Кровать мы с Олей в твои апартаменты доставили, адрес на чемодане.

Нога с асфальта убралась, дверь захлопнулась и машина укатила, оставив растрёпанного Сгущёнкина на дороге у выхода из городского суда.

К чемодану заботливой рукой бывшей жены была приколота бумажка с адресом и маршрутом. «Ключи получишь у хозяйки», – значилось внизу записки.

– Делать нечего, сынок, поехали домой, – сказал Сгущёнкин сладко посапывающему сыну.

Глава 3

Ковчег, или На краю рая

Приунывший Сгущёнкин сидел перед чашкой хозяйского чая на двухметровой кухне и думал. Напротив в грязном фартуке расположилась хозяйка Клавдия Павловна, которую все почему-то звали Кудя, и рассказывала своим наполовину беззубым, а на оставшуюся половину позолоченным ртом о некоем Прокофьице.

Дом, нужно признать, превзошёл все сгущёнковские ожидания: крыша из шифера крепко сидела на деревянном основании в два этажа, с высокими окнами и прочными перекрытиями. Щели, местами свободно впускавшие в себя па-

лец, были аккуратно заткнуты тряпьем, да и пол радовал своей целостностью – ни гнили, ни костровища. Даже рама не вываливалась. Правда, стекло пронзала ветвистая трещина, любовно заклеенная прозрачным скотчем.

Ближайший населённый пункт носил название «Крещатники Имперские» и представлял собой небольшую деревушку в десять домов с покосившейся автобусной остановкой.

Дом, в котором обосновался Сгущёнкин, номинально относился к «Крещатникам Имперским», но, на самом деле, представлял собой остаток когда-то процветающего села «Атамановка». Жители «Крещатников Имперских» и «Атамановки», мягко говоря, не дружили.

Это недружелюбие текло у коренных жителей в крови и остро ощущалось в воздухе. Поэтому жители двухэтажного домика держали крепкую коалицию против деревушки, к которой по документам были давно причислены.

– Мы как Галлия, выступающая против захватчика-Рима, – победоносно заявила Кудя, когда Сгущёнкин появился на пороге. Накануне вечером она как раз посмотрела «Приключения Астерикса и Обеликса» и теперь всю использовала переполнявшие её исторические знания.

Всего пару часов назад, от автобусной остановки в «Крещатниках Имперских», пытая и периодически останавливаясь, чтобы выругаться, шёл к своему новому жилищу Сгущёнкин.

Шёл порядка сорока минут вначале по гальке, затем по

тропе мимо грядок с капустой и, наконец, по полю. Благодарить...

За поваленным сарайчиком свернул налево, и – о радость! Двухэтажный деревянный дом барачного типа. Слегка покосившийся и облезлый, но явно жилой. От цивилизации Сгущёнкина отделял лес, три реки и около 100 км сверкавшей в лучах заходящего солнца железной дороги.

Но, прежде чем удобно устроиться в вагончике электропоезда, на приятном лаковом сидении, нужно преодолеть лес и реку на двух автобусах поочерёдно.

– Леса горели, – продолжала Кудя, поблёскивая кладкой зубов. – А Прокофьич – как баран, снарядился в свой ежедневный заплыв. Традиция, понимаешь, в течение сорока лет ежедневно погружаться. Даже зимой – в прорубь лазил. Лёд его не страшил. Огонь тоже не напугал. Нацепил он свой акваланг, ласты под мышку, и шашь-шашь на реку. И пропал. День не вернулся, неделю. Нет его и нет. Уж искали – нет. А примерно месяц спустя в лесу, где-то в чащобе, нашли труп водолаза – в ластах, очках, в акваланге, с трубкой в зубах. Как попал? До ближайшего ручейка километров десять – не меньше! Видать, вертолёты, когда воду черпали, чтоб лес тушить, и его черпанули. И то верно – когда пожары отгорели, мы в лес ходили – рыба копчёная, варёная на земле лежит, на ветвях висит. Чудо из чудес! А Прокофьича жаль...

– Скажите, Клавдия Павловна, – строго спросил Вольде-

мар. – Почему Вас называют Кудей? (Сгущёнкин уже слышал, что так к ней обратился сосед со второго этажа – низенький крепкий мужичёк с лысой розовой головой, и соседка из квартиры напротив, необъятно полная, и при этом обаятельная женщина).

– Так муж-то мой, как напьётся, так первым делом рвётся кудяпликов стрелять. А я, естественно, самый крупный кудяплик.

– А муж где?

– Так его с белой горячкой забрали. Отлечат – вернут. Я потому комнату и продала, что его нет. С мужем моим всё равно никто не уживётся. А так – и мне полегче – он душу не на мне – на вас отведёт. И денег заработала. Так что, мой тебе совет, голубчик ты сизокрылый, ищи другое жильё. Как на духу – ищи. Кудя сочувственно вздохнула.

«Всё на благо ребёнка» – подумал Вольдемар, передразнивая Нору, и посмотрел на юного Анатолия Вольдемаровича Сгущёнкина. Тот сладко зевнул.

Кровать в углу, сумка под ней, тумбочка слева от подушки. На одеяле дремлет ребёнок.

– Покормить бы его надо. Может молоко греться поставить? – суетливо спросила Кудя. Её сердце не могло выдержать затянувшейся паузы.

– Пора, пора сыночка кормить, – устало вздохнув, согласился Вольдемар и поплёлся к тумбочке, в которой уже разместил все вещи сына.

Глава 4

Правила игры и редисовая ферма

Новое место жительства безжалостно диктовало Вольдемару Сгущёнкину свои правила игры: от любимой работы в магазине музыкальных инструментов пришлось отказаться, ведь дорога из привычных сорока минут превратилась в четыре часа сорок минут в один конец. Посчитав на пальцах общую цену дороги за месяц, Вольдемар осознал, что оставляя в кассах автобусов и поездов всю свою зарплату, будет ещё должен.

Оказавшись без работы, Вольдемар нашёл применение своим обширным талантам: он, посредством незаконного, так называемого рейдерского, захвата территорий, обработал порядка шести соток и, обустроив грядки, стал выращивать зелень и редис. На редис начинающий фермер возлагал особенно сладкие надежды – редис казался ему ходовым товаром. Да что там казался – Сгущёнкин был уверен, что

редис будет пользоваться высоким спросом, возможно даже какое-нибудь кафе при железнодорожной станции даст ему частный заказ и... Сгущёнкин радовал себя обширными перспективами и надеждой, звенящей монетами. (Семёна редиса подогнала за умеренную цену сердобольная Кудя).

Проплатив из скромных сбережений второй месяц квартплаты, Сгущёнкин перешёл на одноразовое питание и сел на геркулесовую диету.

Он, безусловно, страдал, но упругие ростки редиса обещали перспективу счастливого будущего. Несмотря на все лишения, Вольдемар выделил средства на полноценное питание сына: молоко, детские смеси, витамины (всё это он закупил в магазине у железнодорожной станции). Правда, от такой роскоши, как памперсы, – пришлось отказаться.

Днём Вольдемара можно было застать ковыряющимся в

грядках, или стирающим бельё в алюминиевом тазике на одной из трёх ступеней крыльца. Часто рядом с ним садился розовоголовый сосед или приятная полная соседка, и они говорили о том о сём, в сущности ни о чём, хотя эти разговоры и помогали отвести душу.

Ежедневно Вольдемар звонил супруге. Та была недоступна. Он нервничал, но надежды не терял. Так что без дела он не сидел. Вечерами Вольдемар гонял чай со словоохотливой Кудей, которая между делом не забывала упомянуть, что нужно своевременно платить за квартиру, так как именно она – ответственный квартиросъёмщик, и ей проблемы – не нужны. В этих беседах Сгущёнкин и узнал, что владеет не комнатой и даже не половиной комнаты, а ровно одной четвертью. Да и, собственно, владеет не он, а супруга. Ещё четверть принадлежит Куде, а половина – некому Савелию. Загадочную фигуру Савелия Кудя не раскрывала, о том, где он, не говорила, и вообще, мягко уходила от темы, ссылаясь на то, что она не сплетница, и что Сгущёнкин с соседом сам познакомится.

Нужно признать, соседи мало волно Вольдемара Сгущёнкина, и Кудю он слушал вполуха. Вольдемар больше кивал и уповал на редиску. Редиска и будущее плотно сплелись в представлениях Сгущёнкина в единое целое.

Глава 5

Чудо-Юдо-Рыба-Кит, или Мужичок-лесовичок

Весь день Сгущёнкин чах над редисом. Когда вернулся домой, был немало удивлён – посреди его комнаты на табурете восседал крупный бородач с глазами навыкат. Борода его занимала всё лицо и торчала в разные стороны. В зарослях густой растительности поблёскивали зеленым глаза.

Сгущёнкин подумал, что встретил домового, несколько крупный, а в остальном – домовою домовым, даже тканевая шапочка «набекрень» присутствовала.

– Здравствуй, Вольдемар, – зычным низким голосом обратился к нему незнакомец. Сгущёнкин так и сел.

Глазастый бородач продолжил говорить. Выяснилось, что он и есть тот самый владелец 50 % комнаты, Савелий. В связи с тем, что Савелий оказался заядлым рыбаком и грибником, он надолго уходил в лес – мог на несколько суток, а мог и на месяц-другой, как и случилось в последний раз. Там он жил в палаточке, готовил на костре и наслаждался свободой и единением с природой.

Сгущёнкин обратил внимание на то, что в комнате под потолком появились сушеные грибы, а на полу в трёх тазиках с водой плавали мочёные грибы.

По поводу единения с природой Савелий несколько лукавил. Если бы он был откровенным, то сказал бы Сгущёнкину, что в его лице видит потенциального партнёра: не всю же жизнь одному рыбачить, да по грибы ходить.

Маленький Толечка играл с погремушкой и поглядывал на беседующих взрослых.

– Там мест грибных с маслятами да свинушками – тьма. На обратном пути нашёл, грибов – на себе всё не унести, – аккуратно забросил удочку Савелий, глядя на Сгущёнкина, как на мраморного карпа, поблескивающего чешуёй у поверхности воды.

– Может, составишь мне компанию, сосед, за грибами в лес прогуляемся? А то сидишь посреди леса, а в лесу не был. Да и грибы – в хозяйстве подмога. Сгущёнкину представилось блюдо с жареными в сметане грибочками.

– Да, давно я в лесу не был, – мечтательно сказал Сгущёнкин, который не был в лесу никогда.

– Так может, не откладывая, сегодня и рванём? Грибочки-то, они и с картошечкой, и с гречкой... – завлекал Савелий.

Живот Сгущёнкина призывно заурчал. Очень уж хотелось отведать грибочков, а если повезёт – в сметане, а если очень

повезёт, ещё и с гарниром.

Через полтора часа дверь подъезда распахнулась, и на его пороге замаячили две мужественные фигуры. Савелий, как истинный лесник, в тряпичной шапочке, единственное, что только мхом не порос. На груди значок с крупной надписью «Старичок-лесовичок». Савелий искренне верил: значок приносит удачу в деле сбора грибов.

За Савелием с привязанным к груди Толечкой – Сгущён-кин. Два платка крест-накрест перехватывали укутанного сынишку и крепко прижимали его к отцовской груди. Толечку оставить было не с кем. И Сгущёнкин взял сына с собой.

Сгущёнкин с наслаждением нюхал мухоморчики и сбивал шляпки с поганок. Из съедобных грибов Сгущёнкину попадались сыроежки. Просто-таки лезли толпами в короб. Толечка, как маленький штурман, распознавал грибы изда-лека, оживлялся и тянулся ручками к находке. Папа улавливал желания сына, смотрел в том же направлении, но, как назло, каждый порядочный гриб вроде белого, или подберёзовика – «прикрывали» вредный мухомор, или коварная поганка. Сгущёнкин непременно примечал гриб ядовитый. И Толечкин гриб оставался без внимания. Малыш печально опускал глаза.

А папа в этот момент радостно возился с мухоморчиком или поганочкой.

Козьими тропами Савелий увёл Сгущёнкина глубоко в лес. Да и время в лесу шло по иным правилам. Глядь – и уже

вечереет. Сумрак заполнил пространство меж деревьями.

Неожиданно Толечка возбуждённо залепетал. Его привлёк свет, пробивающийся сквозь верхние ветви ели. Сгущёнкин-старший задрал голову и глазам не поверил: меж деревьев проступало очертание высокого многоквартирного дома.

– Что это? – удивился Сгущёнкин.

Он как замороженный глядел на призрачную громаду здания.

– Ооо..., – протянул Савелий. – Это призрак так и не построенной многоэтажки в экологически чистом районе, сравнительно недалеко от МКАД, – Савелий без стеснений

процитировал объявление в газете, которое зазывало клиентов купить квартиру в строящемся доме. – Все квартиры в ней были проданы задолго до начала застройки. Иногда в окнах можно увидеть сплетённых из надежд так и не заселившихся жильцов, призраков.

И действительно, в приглушённом свете окна Сгущёнкин различил движение: смутный образ задёрнул занавески, прячась от любопытных глаз.

Домой Сгущёнкин вернулся усталым, но удовлетворённым. Первым делом он накормил Толечку и уложил его спать. Толечке спать не хотелось: куда как более интересным ему виделись мужские посиделки на кухне. Но слушая колыбельные в папином исполнении, Толик понял – единственный способ избежать этой пытки – уснуть.

Как только ребёнок отключился, Сгущёнкин бросился к грибам – к тому моменту Савелий уже чистил их на кухне, а Кудя суежилась там же, участвуя в процессе сортировки ядовитых находок Сгущёнкина.

Этим вечером Сгущёнкин отужинал на славу – щедрый Савелий торжественно вывалил на стол два кило картошки, которая спустя полчаса зашипела в масле с грибочками, под сметаной всё того же Савелия. Когда тарелки были опустошены, а назойливая Кудя отправлена спать, Савелий достал вяленую рыбку. И разговор пошёл о рыбалке.

Так и повелось: с утрачка, когда первые лучи рассвета только касались земли, Савелий вёл Сгущёнкина рыбачить

или по грибы. Днём Сгущёнкин упорно занимался редисом, а вечерами – домашними делами, хозяйством и сыном – играл с ним, рассказывал ему сказки, и даже пытался петь колыбельные.

Уха сменялась грибным супом, на столе всегда был укроп с петрушкой (подоспели на Сгущёнковских грядках), а чай украшали ароматы лесных ягод. Для Сгущёнкина наступило время безмятежности и довольства.

Неожиданно Савелий сообщил, что на недельку-другую собирается отправиться в лес, и пригласил Сгущёнковых с собой. Однако Вольдемар отказался. Куда он с дитём ещё и в лес? Вольдемар спокойно отпустил «кормильца» на вольные хлеба, уповая на запасы грибов и кастрюльку засоленной рыбы. Прошла неделя, и запасы, казавшиеся неиссякаемыми, приблизились к нулю. Савелий и не думал появляться. И Сгущёнкин осознал, что медленно, но верно, сползает на геркулес. Он продолжал уповать на появление Савелия, так как без него опасался заблудиться в лесу в поиске рыбных озёр и грибных мест.

– Савелий, птица вольная, – часто приговаривала Кудя.

– Никогда не знаешь куда и насколько улетел. Леший он, вот кто! С кикиморами шашни водит.

Глава 6

Редисовый бизнес и молоко

Проплата счетов следующего месяца совершенно неожиданно свела бюджет к нулю. Сгущёнкин отчётливо понял, что ему просто-напросто нечем оплачивать грядущие услуги ЖКХ. Появилась и ещё одна проблема – отсутствие спроса на редис. Круглый и сладкий редис просто таял во рту. Но этот прекрасный продукт только разнообразил геркулесовую диету Вольдемара, которую теперь по праву можно было назвать геркулесово-редисовой, приправленной зеленью. Сгущёнкин решил действовать – в конце концов откуда покупателю взяться, если никто не знает, что он – Сгущёнкин – торгует столь прекрасным и нужным продуктом.

Сгущёнкин тщательно навязал пучки со свежим редисом и прошёлся по окрестным домам – не нашлось ни одного покупателя. Тогда, на следующий день, Сгущёнкин решил сменить дислокацию и отправился к железнодорожной станции. С водителем первого автобуса Сгущёнкин расплатился дву-

мя пучками редиски. Другой водитель махнул на безденежного безбилетника рукой. И вот Сгущёнкин в окрестностях станции. Ни одно кафе и ни один ресторан не пожелали купить редис у «физического лица» – им подавай «ответственное юридическое», чтобы с налогами и банковскими счетами.

Сгущёнкин только руками развёл. Делать было нечего, и он отправился в обратный путь. На этот раз оба водителя смиростивились, вошли в положение и снова довезли горе-коммерсанта бесплатно.

Через два дня безуспешной торговли, практически краха предприятия, появилась первая покупательница – Людмила. Её дом стоял сразу за автобусной остановкой, и, наглядевшись на маяту Сгущёнкина, она прониклась к нему сочувствием.

Людмила содержала коз и коров, а так же огромный огород, полный не то что – редиской, а вообще всем, что растёт. Она, многодетная мать, как никто сочувствовала Вольдемару. И скупила всю его партию, составляющую пять килограмм за два литра коровьего и стакан козьего молока, а также вручила новоявленному коммерсанту стакан клубники.

Так и повелось – каждые три дня Сгущёнкин подгонял ей собранный урожай, а она расплачивалась тем, чем сама была богата.

Редисовый бизнес прибыли не приносил, зато обеспечи-

вал Толю парным молоком.

Вольдемар понимал: нужно что-то решать и упорно ждал чуда. Чудо же упорно проходило стороной. Вольдемар решил бить сигнал тревоги и обзвонить всех своих друзей.

Днём, после стирки и прополки, Вольдемар сел за стол на кухне и влез в записную книжку мобильного телефона в поиске друзей, коих там, как ни странно, не нашлось.

Тогда Вольдемар решил звонить людям близким, которых опять-таки не обнаружилось. В отчаянии Вольдемар стал названивать всем подряд. Он обрисовывал катастрофичность ситуации, просил помочь с работой или дать в долг.

Ни одна из просьб отклика не нашла. А дата платы за угол близилась. Гильотина долговой ямы нависала над хрупкой шейкой Сгущёнкина.

– Со дня на день мужа с лечения отпустят. Он всегда буй-

ный возвращается, ещё бы столько сдерживаться! – как-то обмолвилась Кудя.

Эти её слова стали последней каплей.

Будучи человеком разумным, Сгущёнкин понимал, что ребёнку в такой ситуации лучше быть с матерью. Пусть странной, но хотя бы способной его прокормить.

Бывшую супругу по телефону вызвонить не удалось. Сгущёнкин решился на крайнюю меру – найти её «вручную». В случае успеха Сгущёнкин рассчитывал передать ей сына. О провале «операции» принципиально не задумывался.

Он собрал в чемодан все вещи Толечки, упаковал его в конверт – ноги последнего предательски выпирали наружу. Сгущёнкин водрузил конверт поверх чемодана (Нужно отдать Сгущёнкину должное: он нашёл хорошую альтернативу коляске!) и с этой «Пизанской башней» на колёсиках отправился к автобусной остановке.

Дом Норы располагался в элитном посёлке на берегу озера Белое. Ближайшая станция – Карьер, находилась на той же линии железной дороги, что и станция от которой Сгущёнкину до дома оставалось сменить какую-то пару автобусов.

Сочувствующие водители автобусов сжалились и довезли бедного Сгущёнкина «в долг». Зайцем проскочив в вагон поезда, Сгущёнкин столкнулся с трудностью посерьёзней душевных водителей, готовых помочь земляку: дородная дама в форме активно требовала от пассажиров билеты.

Сгущёнкин, увлекая за собой тарантайку с ребёнком, трусцой припустил по вагонам. Тридцать минут отделявшие его от станции Карьер, Сгущёнкин провёл в двух состояниях: трясся и бегал.

Трясся он, отсиживаясь в тамбурах и трусовато поглядывая в салон, откуда надвигалась угроза в форме. Бегал, точнее спасался перебежками из вагона в вагон на коротких станциях, огибая опасный участок поезда со злосчастным контролёром.

Толя спать упорно не хотел. Его перебежки и отсидки откровенно веселили. На резких поворотах Толя подпрыгивал и, зависая на мгновение в воздухе, икал. Плюхаясь обратно, он звонко смеялся и начинал вертеться в тесном конверте.

Сгущёнкин был неподражаем в новом амплуа беглеца-любителя.

Глава 7

Карьер для карьеристов

Мучения прекратились на станции «Карьер». Но лишь для того, чтобы освободить место новым: путешественникам предстояло чапать пешком двадцать километров.

Посёлки раскинувшиеся вблизи станции Карьер, однозначно были рассчитаны на людей с хорошими доходами, способных обеспечить себя машиной, или вызвать такси. Зачем таким общественный транспорт?

В начале пути, сделав этот ненавязчивый вывод, Сгущён-кин беззлобно охарактеризовал жителей этих посёлков «карьеристами». Спустя полчаса Сгущён-кин уже шипел ненавистное «карьеристы, выскочки, тоже мне, без транспорта они обходятся!»

Спустя два часа Сгущёнкин-старший шагал по трассе, он уже ничего не говорил, не шипел и не думал. Сгущёнкин-младший с любопытством озирался по сторонам, наблюдал за проезжающими мимо машинами. Сгущёнкин-старший скрежетал зубами и пёр вперёд на чисто ослином упорстве. Младший созерцал и радовался, радовался и созерцал. Старший поднял голову – поворот на Тутаевку.

– Как бы не заблудиться, – подумал он.

Из-за поворота, тарахтя и пуская в небо облака ядовитых газов, выскочил старенький «Жигуль». Он пропыхтел мимо Сгущёнкиных и было поколесил дальше, но передумал, притормозил, сдал назад. На заднем стекле машины Сгущёнкин явственно различил надпись «Дуся», сделанную от руки белой краской. Дверь, кляцнув, отворилась и из неё выглянул водитель – мужчина с лицом в крупных порых.

– Ребятюшки, здрасьте. Беда с машиной – окошко не отворяется. А у вас что за беда?

Запыхавшийся Сгущёнкин нервно откашлялся.

– Идём, – выдавил он.

– А я, не поверите, – еду! – сказал новый знакомый. Запрыгивайте, подвезу! Вот бедовые, – он захлопнул водительскую дверцу, ловко перегнулся назад через спинку сидения и открыл Сгущёнкиным заднюю дверцу.

– Не стесняйтесь, – подбодрил он Сгущёнкина-старшего, в нерешительности топтавшегося у открытой двери.

С одной стороны, соблазнительно, с другой – опасно.

Ноги Сгущёнкина ныли и активно голосовали за авто: какая разница, попасться в руки маньяка, или загнуться на обочине?

– Неизвестно, что лучше, – поддакивало ногам сердце и добавляло жару легким, отчего одышка не прекращалась.

Разум же подсказывал, что они прошли никак не больше 5 километров, а это даже не половина пути. Всю дорогу им (то бишь целостному организму модели Сгущёнкин Вольдемар) явно не осилить. Вольдемар Сгущёнкин сдался и покорно погрузил своё тело и багаж в машину. Его одолевало плохое предчувствие, которое традиционно без зазрения совести врало.

Глава 8

Путь-дорога с Шалтай- Болтаем за рулём

– Куда путь держим? – спросил водитель.

Сгущёнкин буркнул адрес, который в своё время благо-
разумно подслушал во время телефонного разговора между
женой и её пассией.

– Погнали, – отозвался водитель и вдавил педаль в пол.
Машина затрещала и дёрнулась.

Сгущёнкин, уверенный, что такого рывка эта развалюха
не выдержит, крепче обнял ребёнка и зачем-то поджал но-
ги.

Машина, как ни странно, рывок выдержала и, равномер-
но покачиваясь, затарахтела по дороге, подлетая на каждой

кочке и звучно гроыхая всеми составными частями.

– Слава, – водитель выгнул руку назад, над спинкой сидения.

Сгущёнкин осторожно её пожал.

– Вольдемар, – представился он.

– А меня можно Шалтай, меня все друзья так зовут. Фа-
милия у меня Шалтаев, вот и болтаюсь... А вы в гости?

– Какой там, – вяло отмахнулся Сгущёнкин.

– Понятно, понятно.

– Ребёнка жене завезти хочу, – сказал Сгущёнкин и кивнул на Толика, запоздало сообразив, что забыл вставить перед словом «жена», слово «бывшая».

– Беда, беда, – покачал головой Шалтай, по кислому Сгущёнковскому виду догадываясь, что жена его совсем не подарок. – А что так? – для поддержания разговора спросил Шалтай не имея в виду ничего конкретного.

– Развод прикончил жильё и работу, – вздохнул Сгущёнкин в ответ.

– Беда, беда... – качал головой Шалтай.

Слово за слово, Вольдемар рассказал Шалтаю о всех бедах и несчастьях. Шалтай ему искренне сочувствовал. От этого Вольдемар ещё сильнее проникался состраданием к себе самому.

А Шалтай бурчал под нос:

– Беда... беда...

Сгущёнкин, выложив историю своих бедствий, умолк и

окончательно скис.

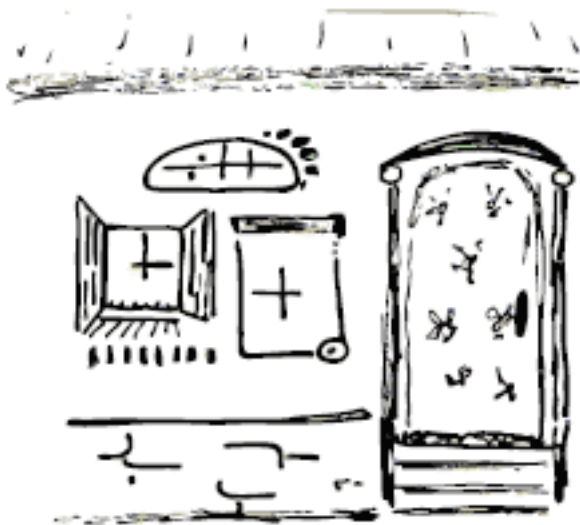
Единственное, что его радовало – перспектива вручения Толика бывшей супруге, открывающая возможность для обустройства своей жизни.

Машина остановилась около новенького коттеджа с застеклённой крышей. Картина нового места жительства жены наградила Сгущёнкина чувством ущербности.

Глава 9

Дом, милый дом

Мужскую половину семейства Сгущёнкиных встретил увесистый замок на калитке, плотно запертая входная дверь, занавешенные окна и принципиальное отсутствие хозяев. Машины под прозрачным пластиковым навесом не наблюдалось. У Сгущёнкина предательски заныло под сердцем.

– Нет их! Уж с неделю, как нет, – крикнула хмурая женщина лет пятидесяти из-за резного забора с соседнего участка, и совсем уже серьёзно добавила:

– Ходют тут всякие...бродют... с детьми малолетними. Эх! Деревня.

Вольдемар и Анатолий Сгущёнкины ещё долго стояли бы под дверью, сиротливо заглядывая в окна, если бы Вячеслав Шалтай, приговаривая своё любимое «вот беда», не выскочил из машины.

– Дела, дела... Ну бедовые, садитесь, отвезу, куда скажете. Вот дела! – крикнул Шалтай Сгущёнкиным. Бросив прощальный взгляд на дом, Сгущёнкин жалко всхлипнул и поплёлся к машине.

Вольдемар, надежды которого рухнули, впал в странный ступор и, казалось, соображал заторможенно. Этот прекрасный, блестящий, как новёхонькая игрушка, дом совершенно раздавил его. А ведь именно он, да-да он, мог бы жить в этом доме. И он, как некто другой, достоин этого жилья.

Шалтай весело рассказывал о том, как случайно заехал в окрестности железнодорожной станции «Карьер», мол, тётка в гости позвала, и он, оседлав свою «Дуняшу», отправился провести родственницу. Лёгкое повествование снимало напряжение.

Сгущёнкин кинул взгляд на маленького Толика и впервые при взгляде на сына испытал раздражение. В сложившейся ситуации Толя превратился в бремя, препятствующее Сгущёнкину наладить свою жизнь и устроиться на работу. Не будь у него на руках младенца, Сгущёнкин мог бы устроиться охранником, неделя-через-неделю, но не оставишь же Толика одного. Да и с собой на охраняемый объект не прихватишь. Мог бы просто ночевать на любом рабочем месте. Но Толя...

Сгущёнкин спохватился, что мысли его идут в неправильном, даже непростительном направлении. Перед ним – его сын. И Сгущёнкин его любит. А остальное – мелочи и бытовуха.

– Проживём, – подмигнул Сгущёнкин сыну и ласково погладил его. – Всё будет хорошо.

А Толик потянулся к папе. Он точно знал: будь папа один, тоска и одиночество его бы сгрызли. А наличие сына стиму-

лирует к подвигам. Толик скорчил радостную рожицу и хихикнул.

Глава 10

Спонтанный переезд

Шалтай остановил машину. Сгущёнкин посмотрел чеез щель опущенного стекла крыльцо и треснувшее окно, перевёл взгляд на сладко дремлющего сына.

– Спасибо, Вячеслав, – поблагодарил Вольдемар доброго Шалтая. – Вы – настоящий человек.

Сгущёнкин пожал ему руку и, подхватив сына и чемодан с колёсиками, зашагал к дому.

На пороге его встретила Кудя с традиционно растрёпанными волосами и всеми признаками словесного недержания. Отмахиваясь от неё, как от назойливой мухи, и даже не думая вникать в её визгливый трёп, Сгущёнкин прошёл в квартиру и чуть не ткнулся носом в широкую грудь... увы, не Савелия. Это был некто новый, с кем Сгущёнкин никогда раньше не встречался, и кто вызвал у Вольдемара беспокойство на уровне подкорки. Сгущёнкин медленно поднял голову. Над ним нависло красное от ярости лицо с растопыренными ноздрями и маленькими злобными глазками.

– Так это ты! – взревел незнакомец.

Запоздало мозг всё же переварил сказанное Кудей и выцепил оттуда главное: муж вернулся, он дома, осторожно.

– Ты, проходимец облапошил мою...¹ Ты оттяпал четверть жилья! Ты... да я тебя...

Сгущёнкин испытал огромное желание провалиться сквозь пол или хотя бы сукожиться, присев и втянув голову в плечи.

Толечка на руках Сгущёнкина сладко зевнул и заулыбался, лепеча что-то неразборчивое. Сгущёнкин не мог себе позволить быть трусом в глазах сына. Он отставил чемодан, вручил чадо суетившийся рядом Куде и выпрямился.

На секунду взгляд возмужавшего Сгущёнкина задержался на сыне. Вдохновившись заинтересованным выражением его

¹ Здесь муж Куди произносит нелитературное слово, подразумевающее недалёковидность и наивность супруги.

лица и беззащитным видом, Сгущёнкин весь взъерошился и грудью пошёл на врага, уверенно заявляя о своей правоте.

Не ожидавший такого поворота громила растерялся и сдал назад.

Сгущёнкин же, не планировавший самоубийства и попадания в реанимацию, пользуясь растерянностью громилы, наступал, попутно собирая вещи.

Он заявлял о честности сделки, о том, что Кудя по доброй воле продала часть жилья и даже была инициатором продажи...

Сгущёнкин, собравший в охапку кажется всё, что у него было, запустил комок вещей в тумбочку и, громко захлопнув дверцу, подхватил её.

Пока происходили описанные выше события, душевный человек Слава Шалтай не уезжал и даже не отогнал машины.

Он не находил себе места: так переживал за судьбу новых знакомых. Шалтай держал руки на руле и сосредоточенно смотрел в его сердцевину. Неожиданно он вскинул указательный палец вверх и просиял. После этих несложных действий он извлёк из кармана телефон и совершил важный звонок.

Разговаривал он всего пару-тройку минут, после чего выскочил из машины, смачно захлопнув дверцу, и побежал в дом.

В это время муж Куди сориентировался и стеной пошёл на отступающего, но не теряющего запал Сгущёнкина. Кула-

ки его налились сталью, а проступившая на лбу жила свидетельствовала о приближающейся развязке.

И неизвестно чем бы всё это кончилось, не возникни меж ними Шалтай. Возник он легко, «как нечто само собой разумеющееся». Он был так увлечён идеей, что не заметил нависшей над Сгущёнкиным опасности и того, что он собственно и является преградой на пути опасности к Сгущёнкину.

Муж Куди во второй раз был обескуражен. Соображал он заторможенно и пока только лишь переводил злобные глазки с объекта на объект.

Шалтай тем временем сбивчиво изложил нахохлившемуся, как воробей, Сгущёнкину последние новости, что он, мол, позвонил соседу, а тому срочно нужен человек за квартирой присмотреть – сторож. Платит мало, зато все блага цивилизации под рукой. Сегодня сосед ждёт. Нужно собираться и ехать.

Сгущёнкина долго уговаривать не пришлось, он передал тумбочку Шалтаю, взял у Куди ребёнка, и они шустро погрузились в машину.

Опасность миновала. Тоскливо заныло сердце. Сгущёнкин, сбегал на грядки и собрал последний урожай.

– Кудя, оставляю грядки на тебя, – сказал Сгущёнкин хлопывая дверцу машины.

Кудя к тому моменту вышла на крыльцо.

– Береги их!

Кудя кивнула. За её спиной замаячила фигура мужа.

– Не указывай моей жене! – гаркнул он.

Газ, рывок – поехали.

Сгущёнкин смотрел вперёд и прижимал к себе сына. Толя же глядел назад на удаляющийся дом, на занятную Кудю.

Из леса вышел Савелий. Малыш оживился, заулыбался и стал тихонько смеяться. Савелий растерянно смотрел вслед отдаляющейся машине. А маленький Толечка хохотал и всю махал ему ручками. Сгущёнкин поглаживал сына по спине.

– Ничего страшного, – успокаивал он оживившегося ребёнка. – Будет у нас другой дом. Всё будет...

Глава 11

Поворот

Машина тряслась по ухабинам. Впереди ждал новый дом. А внутри Сгущёнкина роптало и пенилось новое чувство.

После испытанного унижения под окнами когда-то любимой женщины, Сгущёнкин понял, что, кроме жгучей ненависти и презрения ничего к ней не чувствует. Его душа требовала справедливости.

Шалтай без усталости «трендел». Сгущёнкина, закаленного общением с Кудей, это беспокоило мало. Он думал о возмездии. Он представлял, как вонзает в бывшую жену знамя справедливости. Сгущёнкин так увлёкся сладкими мечтами, что не заметил, как проснулся Толечка. Шалтай, в отличие

от Сгущёнкина, мечтаниям не предавался, его залиvistый плач ребёнка несколько нервировал. Сгущёнкин же благоговейным взглядом смотрел вперёд, сквозь время и пространство.

Нервозность Шалтая дошла до точки кипения, он повернулся к Сгущёнкину, на несколько секунд выпустив дорогу из вида, и хорошенько толкнул его со словами:

– Эй! Папаня, чадо требует внимания!

Шалтай обладал мерзкой привычкой делать всё невпопад. Вот и сейчас он отвернулся от дороги на опасном перекрёстке, к которому на всех парах летел многотонный КАМАЗ. Старенькая «Дуся» с семейством Сгущёнкиных в салоне как раз пересекала траекторию движения титана мира авто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.